

Лия Быкова

Об аналитическом выражении значений числа имен существительных в русском языке

Studia Rossica Posnaniensia 22, 139-145

1991

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ОБ АНАЛИТИЧЕСКОМ ВЫРАЖЕНИИ ЗНАЧЕНИЙ ЧИСЛА ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ON ANALYTICAL EXPRESSION OF THE MEANING OF THE NUMBER OF NOUNS IN RUSSIAN

ЛИЯ БЫКОВА

АБСТРАКТ. In the article the author presented the question of the grammatical meaning of the number of nouns which tend towards analytism.

Лия Быкова, Харьковский университет им. М. Горького, Кафедра русского языка, пл. Дзержинского 4, Харьков, СССР.

Грамматическое число имен существительных, — по мнению С. Д. Кацнельсона, — это *первичная* квантитативная актуализация при использовании в речевой коммуникации. В *типологическом* плане *универсальны* лишь содержательные функции числа, — отмечает ученый (1, 28)*. Эти функции могут выражаться синтетически, т.е. формами числа, и *аналитически*, внешне, с помощью слов, так или иначе ограничивающих или определяющих экстенционал выражаемого нарицательным именем неопределенного понятия. Используя терминологию структурной лингвистики, назовем их кванторами. В качестве кванторов числа СД Кацнельсон называет слова: *каждый, некоторый, один, весь, многие*.

Анализируя типы словесных знаков, А. А. Уфимцева выделяет *квантитативные универсальные* определители, которым „свойствен сугубо обобщенный тип знакового значения” (2, 163): *каждый, некоторый, все, любой, много, мало, многие, кто, что, который*. Как видно, кванторами числа являются местоимения, на разном уровне абстракции связанные с понятием квантитативности, и неопределенные числительные. Думается, что в такой же функции ограничителя или определителя экстенционала, выражаемого нарицательным именем неопределенного понятия, выступает *любая атрибуция* при имени (прилагательное, числительное, причастие).

Кванторы числа выявляют различия между считаемыми и несчитаемыми именами. Считаемые обозначают предметы счетного множества, отличающегося прерывистостью, дискретностью, расчлененностью, т.е. однородностью частей. В оппозиции чисел у считаемых существительных выступают отно-

* Здесь и далее первая цифра в скобках обозначает номер работы в списке литературы, а вторая — страницу указанного сочинения.

шения математической единичности—множественности (один — более чем один) — главенствующая и наиболее продуктивная содержательная функция числа. В несчитаемых, имеющих форму только единственного числа (S), выступает значение неограниченности, неопределенности экстенционала понятия, при условности формы числа (*золото, храбрость*) или единичная множественность (в собирательных именах: *молодняк, профессура*). В несчитаемых именах, имеющих только множественное число (P), форма эта тоже опустошена, словообразовательно непродуктивна. С. Д. Кацнельсон отмечает в таких словах „стертость и неактуальность старого содержания” (1, 28), которое не может играть актуальной количественной роли (ср. *мрак — сумерки, суп — щи, тушь — чернила, сплетня — дязги*).

По этому поводу А. К. Поливанова (3, 131) писала, что дефектные по числу существительные имеют числовое оформление, определяемое словарно, правилом вида: единственное число, если существительное S; множественное, если Pl. Числовое оформление дефектных существительных не может быть объяснено ссылкой на естественно-семантическое правило вида (*молоко — сливки*).

Кванторы числа и лексические средства атрибуции, выполняющие ту же функцию, обнаруживают, что числовые, математические (количественные) отношения как основная, грамматическая модель постоянного значения на аналитическом уровне „вовлекает” в действие все имена, независимо от числоизменяемости, формы числа и принадлежности к лексико-грамматическим классам вещественности, собирательности и абстрактности. Кванторы числа выводят категорию числа с уровня языковой системы на уровень функционирования, т.е. в открытую систему разнородных средств (лексические, словообразовательные, словосочетания и т.д.), которые служат для выражения как основных, так и потенциальных значений грамматических категорий (4, 8 и далее).

I. Они обнаруживают, что в функционировании у считаемых и несчитаемых существительных выступает значение: „разновидность/разновидности, вид/виды”, т.е. квалификативное значение. Если для считаемых существительных оно является дополнительным на фоне математической единичности/множественности, то для несчитаемости — единственно возможным.

Считаемые имена в своих словформах единственного и множественного числа выражают оппозицию „один — много” и контекстуально: „одна — более чем одна разновидность”. *Этот, тот, такой, который, какой-то, каждый, другой, тот и другой, новый стол* — один и одна разновидность (*тот и другой* — раздельно два).

Всякий, любой, никакой стол — в силу лексического значения кванторов здесь выступает значение генерализации единичного, и значение разновидностей становится актуальным. *Эти, те, такие, которые, какие-то, каждые другие, те и другие, все, многие, много, новые столы (столов)* — количествен-

ная характеристика не актуализирует квалификативной. *Всякие, любые, никакие, старые и новые* — квалификативное значение актуализируется лексическими значениями кванторов.

В несчитаемых вещественных существительных, независимо от формы числа, при сочетании с кванторами не может быть квантитативного значения, выступает лишь определенность экстенционала, выражаемого именем неопределенного понятия: *один, этот, тот, такой, который, какой-то, другой, тот и другой (не каждый), новый* мрамор, железняк, олово; с Pl соответственно во множественном числе: *эти, новые (не каждые) чернила* с отчетливым значением „вид, разновидность”. С. Д. Кацнельсон слова „вид, разновидность”, эксплицитно выражающие квалификативное значение, называет специализированными, строевыми словами, актуализирующими числовое значение, и присоединяет к ним лексемы „сорт”, „марка”, которые представляются нам уже конкретными манифестациями этого общего значения, зависящими от значения существительного, при котором они выступают, и от конвенциональных условий (сорт конфет, марка вина, проба золота, разряд гостиницы, категория ателье и т.д.). В сочетаниях с кванторами *всякий, любой, никакой* в вещественных существительных естественна актуализация квалификативного значения (*любой мрамор, никакие чернила*). Движение по числу значения „вид, разновидность” „упирается” в несоответствии значения „виды” и формы St и делает строевое слово универсальным выразителем этого вида множественности: *эти, те, такие, которые, какие-то, другие, каждые, те и другие, новые* виды мрамора, железняка, олова, золота (а также эксплицитно и: *чернил, белил, отходов* и т.д.). *Все, многие* чернила, белила, отходы (более эксплицитно: „все виды”), но только *все виды, многие виды* мрамора, железняка, олова и т.д. Только: *много видов* мрамора, чернил (без слова „видов” — значение приблизительного большого количества). Таким образом, строевая лексема с общим значением „вид, разновидность”, будучи числоизменяемой, „движет” и „числоизменение” квалификативной проекции квантитативного значения числа абсолютно всех вещественных существительных, независимо от формы числа и числоизменяемости, если, естественно, с точки зрения экстралингвистической это требуется. Эти строевые единицы более универсальны, чем кванторы, над которыми тяготеет их лексическая семантика и грамматическая форма.

В силу особенностей типа лексического значения абстрактные числоизменяемые существительные „менее податливы” к выражению „видов и разновидностей” в буквальном смысле этого слова. Аналитическое число, — по словам С. Д. Кацнельсона, — используется только тогда, когда этого требуют ситуация и контекст (1, 35). Здесь скорее работают не строевые слова, а именно кванторы, ограничивающие экстенционал выражаемого именем неопределенного понятия и имплицитно выражающие квалификативное значение. Из числа кванторов менее актуальны слова наиболее близкие к мате-

матическому значению (каждый, тот и другой, много), а особенно важную роль приобретают лексические средства атрибуции: *этот, тот, такой, который, какой-то, другой, прежний* героизм, храбрость, белизна, суета, осторожность, терпение, отчуждение (с Pt соответственно во множественном числе: *эти, те, новые* хлопоты, дразги, рассказы); *всякий, любой, никакой* (героизм, суета, отчуждение) — *всякие, любые, никакие* (хлопоты, дразги); *все, многие* (хлопоты, дразги). По требованию ситуации и контекста и с учетом лексики для актуализации квалификативного значения в его „числовом” противопоставлении могут включаться и универсальные строевые числоизменяемые слова „вид, разновидность”: *вид/виды* отчуждения, суеты, осторожности, хлопот, много видов хлопот, дразг, отчуждения.

Актуализация квалификативного значения собирательных существительных St осуществляется с помощью тех же кванторов, ориентированных грамматически на форму единственного числа. В связи с экстралингвистическим „заказом” могут включаться и строевые слова в их реальных манифестациях: *вид/виды* ельника, листвы, тряпья, белья, ветоши, рухляди, дряни; *породы* молодняка; *тип/типы* профессуры, аспирантуры, офицерства, крестьянства и т.д.

Значение „вида, разновидности”, квалификативной характеристики представляется в принципе универсальной для класса имен существительных. Оно является проекцией грамматического значения квалификативности (один — более чем один). Если в числоизменяемых словах оба значения могут быть выражены изменением форм (для эксплицирования и здесь актуальны кванторы и строевые слова), то в несчитаемых именах основное грамматическое значение просто неактуально, а второе может быть выражено в случае потребности лишь аналитически — в силу числонеизменяемости. Очевидно, эту особенность несчитаемых, числонеизменяемых слов имел в виду С. Д. Кацнельсон, говоря, что квантитативная актуализация у несчитаемых слов осуществляется на других основаниях (1, 28). Аналитическое число служит вынужденным средством выражения квалификативного значения и использует для этого более однозначные формы-кванторы и строевые слова.

Как известно, границы St, особенно в сфере вещественных существительных, представляют „открытые ворота”. Нет надобности называть новые, редкие или специальные формы множественного числа вещественных существительных (стали, ртути, олова, железа). Не имеет принципиального значения и огромное количество окказионально множественного числа от абстрактных существительных (холодности, хвалы, толщины, неги, грусти, хулиганства). Наиболее „устойчивы” к числоизменяемости собирательные существительные St, но в *Русской грамматике* — 80 отмечена, например, форма аппаратуры, клавиатуры*. Такое множественное число — путь не

* П. С. Кузнецов в устном выступлении допускал возможность слова *профессуры*.

только к грамматическому, синтетическому выражению инстанции качества, осмысляемого понятия квантитативности (*не одна* хвала, нега, грусть, аппаратура и т.д.) и, значит, конкретизации (для абстрактных и собирательных существительных), но и к выражению значения квалификативности (для вещественных существительных, очевидно, только это и возможно). П. А. Соболева, придерживаясь другого мнения о значении числа, предлагает отмечать в словарях формы типа *вина, стали* как отдельные значения слова (6, 64).

Для выражения квалификативного значения синтетические и аналитические средства создают в этом случае некоторые возможности выбора, которые, естественно, по-разному используются в разных языковых и экстралингвистических условиях.

Иначе обстоит дело с несчитаемыми словами Pt. Жесткость этой формы закрывает всякую возможность образования коррелята в узусе („закрытые ворота”), и аналитические средства являются единственно возможными для выражения квалификативного значения (*разные* чернила, *разные виды* чернил, *те и другие* чернила).

А. К. Поливанова (преследуя, правда, совершенно иные цели) отвергает вывод о том, что дефектные существительные, т.е. St и Pt, лежат вне основной логики числовой категории (3, 131). Мнение это утвердилось благодаря работе А. А. Реформатского *Число и грамматика* (5), исключавшего дефектные существительные как нерелевантные для понимания содержания категории числа. Очевидно, числовые отношения как квантитативные и квалификативные очень широко захватывают имя существительное, находя для этого разные средства выражения.

II. К числу специализированных, строевых слов, участвующих в выражении содержательной функции грамматической категории числа имен существительных можно отнести лексемы, называющие одну единицу дискретного и недискретного множества. У С. Д. Кацнельсона (1, 35) это слова *особь, экземпляр, штука, мошка, комар* (очевидно, имелись в виду собирательные существительные *мошка, комарье*); у П. А. Соболевой (6, 58) *член нации, член семьи* — по отношению к *семья, нация*.

В таких замечаниях имплицитно содержится идея потенциального значения числа: „целое и его часть”. Это значение упоминается вскользь в работе А. В. Бондарко (4). Модель числовой корреляции в конкретных существительных, где отношения „один-много”, „много-часть” неразделимы и, по сути, тождественны (стол — это „один” и „часть” столов), своей универсальной содержательной функцией воздействует на все классы слов, включая и несчитаемые, дефектные имена, в который в силу их недискретности может быть лишь аналог этих отношений (в разной манифестации) — естественно, не на грамматическом уровне, а на словообразовательном и лексическом, включая и словосочетания.

В вещественных дефектных существительных аналогом „один” является

обозначение части вещества с помощью искусственных и естественных числоизменяемых квантификаторов, тип которых определяется природой реалий и конвенциональностью назначения и выбора, — независимо от формы числа существительного: горох — горошина; сыр — головка (пример С. Д. Кацнельсона); золото — слиток; мрамор — глыба, кусок; слюда — пластинка; железо — кусок, железина; вата — ватка; дрова — вязанка; сено — охапка; ткань — лоскут; каша — одна каша — „порция” и т.д. Названия естественных и искусственных „составных частей” и мер измерения — это область лексики, занимающая свое место в функционально-семантической категории квантитативности, в центре которой находится грамматическое число.

Условным и отделенным аналогом обозначения *части* для абстрактных существительных являются не привлекающиеся в грамматические исследования словосочетания — разные и варьирующиеся для разных лексем, — которые обозначают проявления определенного акта действия — состояния или качества: храбрость — проявление храбрости, храбрый поступок; лень — проявление лени; ложь — лживый факт, известие; тоска — приступ тоски; полемика — полемический прием, выпад; хлопоты — хлопотное дело; обида — выражение обиды; белизна — проблеск белизны; рабство — признак, примета рабства и т.д. „Уход” в лексику и разнородные средства выражения отдаленного аналога квантитативных отношений может помочь углубить представление о дискретности/недискретности явлений не с умозрительно-логических позиций, а с точки зрения реальных языковых отношений (храбрость — проявление, тоска — приступ, полемика — выпад, хулиганство — выходка и т.д.).

Стандарт модели числовых отношений в своей проекции целое-часть (составная единица) работает особенно наглядно в собирательных существительных, представляющих особый тип множественности. Типы собирательных существительных разнообразны: одни из них внешне кореферентны множественному числу (студенчество, профессура, зверье, листва), но не обладают широтой контекстной сочетаемости множественного числа; другие имеют сильное оценочное значение (матросня, офицерье, татарва); третьи диффузно объединяют лица и институции (генералитет, ректорат, аспирантура); четвертые недискретны (бакалея, хлам, мебель, рухлядь, гнилье, крашенина, мелочь, бездарь, рвань, поклажа) и мн. др. Единица объединения на уровне функционирования в принципе всегда релевантна. В числе специализированных слов, выражающих единицу, составную часть целого, С. Д. Кацнельсон (1, 30) назвал слова *особь, экземпляр, штука* (очевидно, имея в виду классы людей, животных и вещей). Выход из системы языка в речевую среду обнаруживает, что тип единицы для собирательных существительных и сама ее возможность обусловлена множеством самых разнообразных факторов, в первую очередь — словообразовательных (какой частью речи и словами какого класса мотивировано собирательное существительное, от словооб-

разовательного значения и его фразеологизации и т.д.). Приведем примеры по возможности разных типов соотношений собирательного множества с единицей: студенчество — студент, зверье — зверь, молодняк — молодое животное, духовенство — особа духовного звания, пехота — пехотинец, вольница — свободно, распущенно себя ведущий человек, паства — прихожанин, классика — классическое произведение, гнилье — нечто гнилое, рассада — молодое растение, выращенное в тепличных условиях, хлам — не имеющая ценности вещь и т.д. Поиски единицы могут увести из области языковых отношений в мир реалий (единицы для багажа, бакалеи, галантереи, обуви) или привести к абсолютной невозможности ее выделения (жнивье, ругань, кипень „интенсивный белый цвет”). Подводя итоги, можно сказать, что гетерогенность отношений между формальным числом и содержанием, создающая „незаполненное пространство” (1, 31), функционально заполняется широким вхождением различных аналитических средств выражения значений числа и их аналогов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кацнельсон С. Д., *Типология языка и речевое мышление*, Ленинград 1972.
2. Уфимцева А. А., *Типы словесных знаков*, Москва 1974.
3. Поливанова А. К., *Выбор числовых форм существительных в русском языке*. В кн.: Проблемы структурной лингвистики — 1981, Москва 1983.
4. Бондарко А. В., *Теория морфологических категорий*, Москва 1976.
5. Реформатский А. А., *Число и грамматика*. В кн.: Вопросы грамматики (Сборник статей к 75-летию акад. И. И. Мещанинова), Москва—Ленинград 1960.
6. Соболева П. А., *Лексикализация множественного числа и словообразование*. В сб.: Лингвистика и поэтика, Москва 1979.

ON ANALYTICAL EXPRESSION OF THE MEANING OF THE NUMBER OF NOUNS IN RUSSIAN

by

LIA VUKOVA

Summary

The work undertakes the problem of grammatical meaning of the number of nouns which is manifested in the functioning with the use of analytical means and not on the level of language system. A hypothesis was put forward on the projection of grammatical meaning of the number onto classes of inflected words according to the number and various forms of this meaning were considered.